

Свет среди тьмы

СВИДЕТЕЛИ СВЕТА

Сергей Иванович Пустовойтов

Сергей Иванович Пустовойтов

Свет среди тьмы.

Свидетели света

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72041878

ISBN 9785006721678

Аннотация

Эта книга – не биография. И не житие святого. Это – следы босых ног на снегу, которые исчезают, но оставляют тепло. Это – попытка не объяснить, а сохранить дыхание одного присутствия. Если после этой книги ты начнёшь слышать тишину – значит, мы не зря её написали. Если захочешь жить мягче, прощать чаще и слушать глубже – значит, Он жив. В тебе. И рядом с тобой.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
Философия Фейха Вангера	9
Личная жизнь и утраты	11
Иоанн уходит в море	20
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Свет среди тьмы Свидетели света

Сергей Иванович
Пустовойтов

Благодарности:

Олеся Александровна Ардабская

© Сергей Иванович Пустовойтов, 2025

ISBN 978-5-0067-2167-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогой читатель,

если ты открыл эту книгу – значит, ты ищешь не просто слова.

Ты ищешь след света, оставленный человеком, который ушёл не громко, но глубоко.

Эта книга – не биография.

И не житие святого.

Это – следы босых ног на снегу, которые исчезают, но оставляют тепло.

Это – попытка не объяснить, а сохранить дыхание одного присутствия.

Присутствия человека, который молчал чаще, чем говорил, и верил – больше, чем доказывал.

Его звали Архангел Даниил.

Он не любил, когда его называли «отцом» или «старцем». Он говорил:

«Я не отец, я – брат. Просто чуть-чуть постарше и немного уставший.»

Мы были друзьями. Мы писали друг другу письма, а между строк этих писем иногда прорывалось нечто большее – вечное, тёплое, безымянное.

Ты найдёшь их в этой книге. Как и его проповеди, его тишину, и голоса тех, кто ещё помнит.

Не ищи здесь сенсаций.

И не ищи образца для подражания.

Он сам говорил:

«Не подражай мне. Просто иди рядом, пока сможешь. Потом – иди один. Но в ту же сторону.»

Если после этой книги ты начнёшь слышать тишину – зна-

чит, мы не зря её написали.

Если захочешь жить мягче, прощать чаще и слушать глубже — значит, он жив.

В тебе. И рядом с тобой.

С теплом и памятью, автор.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Фейх Вангер – мыслитель на границе эпох

Годы жизни: 1893—1971

Страна: Австро-Венгрия (позже – Германия, Франция, Израиль)

Род занятий: философ, писатель, эссеист, переводчик древних текстов

Языки: немецкий, иврит, французский, латинский, древнегреческий

Биография (основные вехи):

- Родился в небольшом местечке в Моравии в семье раввина и учительницы музыки. С раннего детства тяготел к книгам, особенно к мифологии, Библии и сочинениям древнегреческих философов.

- В 1912 году поступает в Венский университет, где изучает философию и теологию.

- Участвует в Первой мировой войне как санитар. Этот опыт сильно повлиял на его взгляды на человека и зло.

- В 1920-е годы публикует свои первые эссе: «О хрупкости духа», «Молчание гения».

- В 1933, после прихода Гитлера к власти, эмигрирует во Францию. Там пишет свой первый роман «Камень, которого не хватало» – о человеке, который отказывается быть

героем.

- В 1941 году переезжает в Иерусалим, где преподаёт философию в Еврейском университете.

- Последние годы живёт уединённо, переписываясь с интеллектуалами своего времени, включая Камю, Бердяева и Шестова, иеромонахом Архангелом Даниилом другом и наставником.

Философия Фейха Вангера

Фейх Вангер стремился к синтезу западной рациональности и восточной мистики. Он считал, что человек не может быть понят ни через одни только понятия, ни через одни только чувства.

Ключевые идеи:

- «Творчество – это форма молитвы»
- «Истина – это не свет, а жар»
- «Бог может молчать, но мы обязаны говорить»
- «Мудрость не в знании, а в умении жить рядом с тайной»

Он критиковал как догматический религиозный подход, так и сухой атеистический рационализм. Говорил, что человек – это не решение, а вопрошание.

Афоризмы Фейха Вангера (авторские цитаты):

- «Талантом обладают многие, но лишь немногие умеют им не злоупотреблять».
- «Человека делает не сила мысли, а глубина сомнения».
- «Кто не умеет быть один, тот не сможет быть с кем-то по-настоящему».
- «Бог дал человеку свободу, чтобы тот мог понять цену любви».

- «Настоящее воспитание – это искусство подталкивать душу к себе самой».
- «Если бы зло всегда носило маску, мы бы давно стали добрее. Но оно улыбается»
- «Настоящий талант не в том, чтобы сиять, а в том, чтобы согревать!»

Расширенный портрет Фейха Вангера

Религиозный путь и духовные искания:

Фейх был духовным скитальцем. Он говорил:

«Я прошёл по синагогам, стоял в монастырях, спал на скамьях деревенских баптистов, но ни одна из скамеек не была мне подушкой для души».

Он находил мудрость в иудаизме – в его трепете перед Словом, в баптизме – в искренности и живом пении, в православии – в безмолвии и символике. Но католическое учение казалось ему слишком политическим, рационализированным и отделённым от живой души.

Он написал однажды:

«Вера без тайны – это бухгалтерия духа. Мне скучно среди тех, кто всё объяснил».

Личная жизнь и утраты

Жизнь Фейха была отмечена чередой любви и трагедий. Он говорил:

«Я трижды был женат и трижды хоронил часть себя».

- Люсия, его первая жена, вдохновляла его на ранние тексты. После смерти сына Алексия он перестал писать стихи.

- Иоанн, другой сын, стал почти мифической фигурой среди последователей Фейха. Его история стала притчей: «Мудрец, уставший от мыслей других, ушёл в океан, чтобы услышать наконец свою тишину».

- Вторая жена, казачка с огненным характером, вдохновляла его на философию воли и свободы.

- Третья жена, полька, была красивой и таинственной. Её печаль, связанная с прошлым, сделала Вангера особенно чувствительным к теме вины и прощения.

О книгах:

«Философское учение» – его ключевой труд. Он писал:

«Я не ищу единой истины. Я ищу способ жить с множественностью её отражений».

Там он пытался соединить еврейскую трепетность, баптистскую честность и православную мистику в одной системе – не догматической, а живой, дыхательной философии, как он это называл.

Характерные фразы Фейха Вангера (новые афоризмы):

- «Религия – это костюм. Мне ближе кожа».
- «Мы рождены не для спасения, а для диалога с бесконечностью».
- «Любовь – это богословие тела».
- «Истина не одна – как и боль, как и утро, как и мать».
- «Вера – это не ответы. Это когда ты продолжаешь спрашивать, даже если больно».

Город, где он жил: Тессалоники, Греция

После эмиграции из Франции и короткой жизни в Иерусалиме, Фейх Вангер обосновался в Тессалониках – городе, где пересекаются христианство, иудаизм и ислам. Он говорил:

«Здесь утро начинается с азана, полдень проходит под звуки церковных колоколов, а вечер – в еврейских анекдотах».

Тессалоники стали его пристанью – город, где он писал, принимал гостей, и где впервые встретил Архангела Даниила.

Встреча с Архангелом Даниилом

Это случилось в монастыре святого Григория Паламы, куда Фейх пришёл в поиске тишины. Монах, высокий, седой, с сияющими глазами, подошёл к нему в тени кипариса и, не задавая ни одного вопроса, сказал:

- Ты носишь в себе тайну, которую боишься признать.
- Откуда ты это знаешь? – спросил Фейх.
- Я не знаю. Я просто слушаю.

Так началась их дружба. Архангел Даниил стал его невидимым собеседником – в письмах, в мыслях, в молитвах. Они спорили, молчали, читали Исаию, обсуждали смерть и надежду.

Когда Даниил потерял зрение от глаукомы, Фейх оплатил операции в Афинах и лично отвозил его в клинику. Он говорил:

«Я философствую словами, а он – своей жизнью. Если я написал „Философское учение“, то он – его жил».

Загадочная сцена в Айя-Софии

В 1956 году, во время поездки в Стамбул, Вангер решил посетить Айя-Софию. Он вошёл туда под вечер, когда туристов уже почти не было. Внутри было прохладно, полутемно. Мозаики едва светились в свете умирающего солнца.

Поднявшись на галерею, он увидел женщину в чёрной мантии, стоящую к нему спиной. Она пела – на древнегреческом, что-то похожее на псалом, но в этом пении был и плач, и радость.

Он подошёл ближе, но её уже не было. Только на полу остались чётки – не православные, а мусульманские, из оливкового дерева.

Фейх взял их с собой. Он писал потом:

«В Айя-Софии я понял, что священное – это не архитектура. Это то, что внезапно дышит через тебя, как будто кто-то изнутри шепчет: «Я с тобой». С тех пор я всегда носил с собой эти чётки, как знак того, что Бог не ограничивается ничем.

Письмо I. Фейх Вангер – Архангелу Даниилу

Дорогой Даниил,

Сегодня я вновь слышал в себе безмолвие. Оно пришло не как покой, а как нехватка – как голод, как лёгкая боль

в груди. Вечер был наполнен шумом города, но душа моя была пуста, как лист до первой строчки.

Я боюсь, что философия делает меня глухим к тому, что ты называешь «дыханием Духа». Я пишу, исследую, строю систему – и, быть может, теряю всё.

Ты как-то сказал, что «Истина дышит». Но ведь дыхание – это ритм. А я всё чаще ловлю себя на том, что дышу прерывисто, тревожно, будто живу не по своей ноте.

Молись за меня, если можешь. А если не можешь – просто помолчи рядом.

Твой Ф.

Ответ I. Архангел Даниил – Фейху Вангеру

Монастырь святого Пантелеимона. Полночь. Тропарь тишины.

Возлюбленный брат мой Фейх,

Ты боишься, что становишься глухим. Но глухота – это лишь отсутствие привычных звуков. Когда Господь выводил меня в пустыню слепоты, я тоже испугался. Но знаешь, кого я услышал там? Себя – и Того, Кто во мне.

Ты ищешь дыхание Духа? Не строй системы. Лучше построй скамейку. Сядь. Жди. Как дитя, ожидающее отца.

Не у всех дыхание ровное. Моисей заикался. Павел страдал телесно. И ты можешь страдать мыслью.

Молиться за тебя – это для меня радость, не труд. Но если ты хочешь, чтобы я был рядом в молчании, знай: я всегда рядом. Даже когда ты меня не слышишь.

Архангел (не по званию, а по насмешке одного послушника, которая прилипла).

Письмо II. Фейх Вангер – Архангелу Даниилу

Вид с террасы. Тёплый чай. Луна. Одинокий трамвай.

Архангел, мне часто снится мой сын – Алексей. Он умер так рано, но будто что-то успел во мне дописать. Его поэзия была как молитва без адреса – и я боюсь, что я сам был его стеной, от которой он отталкивался, чтобы взлететь.

Иногда я думаю: а не забрал ли Бог его, чтобы я, наконец, научился молчать? Ведь вся моя философия – это, возможно, только защита от боли.

А может, я ошибаюсь?

Пиши мне, Даниил. Или просто помолчи снова. Я всё равно слышу твои мысли, даже в твоём молчании.

Твой Ф.

Тессалоники. Осень. Улица Эгнатия. Моросит дождь.

Фейх вышел из дома без шляпы. Он любил мокрую погоду, как любит больной – горечь травы: без удовольствия, но с пониманием. На площади Аристотеля он купил хлеб – простой, серый, с солью – и присел на лавку у бывшей турецкой бани, где теперь был книжный магазин.

Мимо проходили люди. Много. Город шумел, дышал. А он молчал – хлеб в руках, дождь на плечах, мысли в Небесах.

Подошёл старик – сутулый, с торбой через плечо. Он долго смотрел на Фейха. Потом спросил:

– Это свежий хлеб?

Фейх отломил половину и протянул ему.

– Свежий. Только что из печи. Попробуйте.

Старик не поблагодарил. Он сел рядом. Съел медленно.

Промокшие пальцы дрожали, но не от холода.

– Почему вы отдали? – спросил он.

– Потому что у меня две руки, а хлеб был один, – ответил Вангер. – А теперь у меня осталась одна рука и полхлеба. Это справедливо.

Старик улыбнулся:

– Ты, видно, учёный.

– Немного. Писатель.

– А я раньше был пекарем. Но перестал. Люди едят хлеб, но не чувствуют рук, что его месили. Они хотят хлеб, но не пекаря.

Фейх улыбнулся, кивнул.

– А ты хочешь, чтобы тебя чувствовали?

– Я хочу, чтобы был кто-то, кто понимает – не хлеб питает, а человек, что дал его.

Старик ушёл. А через минуту Фейх понял: он забыл спросить его имя.

Он записал в блокнот:

«Если Бог и есть хлеб, то человек – это рука, что его передаёт».

Эта фраза потом вошла в раздел «О человеке как о проводнике» в книге Философское учение. Он подписал главу: «Памяти безымянного пекаря из Тессалоник».

Иоанн уходит в море

Тессалоники. Утро. Февраль. Улица, ведущая к порту. Гул чаек.

Иоанн – старший сын Фейха, обладал даром. Он слышал мысли людей. Не словами, а чувствами, вкусами, образами – как будто каждый, кто проходил мимо, оставлял в его голове свои внутренние обрывки, как оставляют крошки на столе.

Сначала это было интересно. Потом – утомительно. А затем – невыносимо.

Он говорил отцу:

– У людей нет мыслей. У них – шорох. Гул. Они не думают, они шумят.

– Это как?

– Представь комнату, где тысячи радио включены на разную громкость. Один орёт о налогах. Другой – о бывшей жене. Третий – о новостях, которых никто не проверял. А я там – внутри. Понимаешь?

Фейх кивал. Он понимал. Не умом – сердцем. Иоанн все-

гда был другим. Добрый, молчаливый, глубоко сострадательный. Но он глух от мира.

– Я ухожу, – сказал однажды Иоанн.

– Куда?

– В море. Там только матросы. А у них простые мысли: «швартуй», «ешь», «спи». Иногда – тоска по женщине. Иногда – страх. Но это тишина по сравнению с тем, что в городе.

Фейх не удерживал. Он только подарил ему тетрадь в кожаном переплёте. На первой странице было написано:

«Тому, кто слышит – будь осторожен. Истина чаще всего молчит».

Прошло много лет. Иоанн не вернулся. Его последняя открытка пришла с острова у побережья Мадагаскара. На ней была нарисована белая лодка и подпись:

«Папа, здесь никто не думает. Только живут. Иногда – это достаточно.»

Философская заметка Фейха (из неопубликованных записей)

Есть проклятия, похожие на дары. Слышать мысли – од-

но из них. Потому что, когда ты слышишь всех, ты теряешь себя. Иоанн ушёл не от мира – он ушёл, чтобы вернуть себе тишину. Он не был отшельником. Он стал тем, кто спрятал уши в шуме волн, чтобы наконец услышать самого себя. И если Бог заговорит – Он выберет не толпу, а одиночество, не гром, а каплю.

В этом каплеобразном мире живут все Иоанны. И они – спасены.

Сон Фейха: Разговор без слов

Ночь. Февраль. Окно открыто. Комната Фейха наполнена воздухом моря. Он засыпает.

Сон пришёл мягко, как рука, закрывающая глаза. Фейх оказался на берегу. Песок был чёрным, как земля, в которую кладут семена. Волны шли медленно. Луна была не в небе – она плавала на горизонте, как старая лодка, полная света.

Перед ним стоял Иоанн. Старше, чем он его помнил. Лицо спокойное. Морская куртка. Лоб – чистый, как утёс.

Они стояли друг напротив друга.

И молчали.

Но это молчание было разговором. В этой тишине звучало всё:

– Я слышал тебя, отец, когда ты молчал над моей кроватью.

– Я не молчал, я боялся, что если скажу – ты уйдёшь.

– Ты не знал, что я уже ушёл, потому что не мог больше жить в чужом шуме.

– Я хотел быть твоим учителем.

– Ты был. Ты дал мне тетрадь. Это был мой ковчег. Я написал в ней только одну фразу: «Я жив.»

Они сидели на камне у воды. Волны били в такт их дыханию.

Фейх спросил не словами:

– Ты счастлив?

Иоанн кивнул. Потом взглянул на отца:

– Ты?

Фейх не ответил. Он не знал.

Иоанн встал. За его спиной была лодка из света. Он шагнул к ней, но перед этим снова взглянул:

– Тот, кто слышит мир, должен иногда быть глухим. Так он может услышать Того, Кто за пределами.

И исчез. Как волна. Как память. Как утро.

Утро

Фейх проснулся. Он не плакал, но под глазами была влага. Он записал в дневнике:

«Впервые я не услышал его словами – но понял всем телом. Тот, кто молчит, может говорить сильнее всех. А сын, ушедший в шум волн, вернулся ко мне в самой глубокой тишине.»

Он прикрыл тетрадь рукой. И прошептал:

– Я жив.

Письмо Архангела Даниила к Фейху Вангеру

Город Тифлис,

Март, год незапамятный, вечер,

в доме при монастыре святого Давида, под шум листвы

и капель дождя.

Возлюбленный друг мой, Фейх,

Ты помнишь мою юность – я шёл с огнём в груди, с верой в свет, который не меркнет. Но однажды я заглянул туда, куда многие боятся: в сердце церковной власти. Там я увидел не Бога, а страх. Не благодать, а расчёт.

Архиепископ, которого ты знаешь – я не осуждаю его. Я лишь указал, что в словах его нет любви, а в делах – правды. За это он назвал меня гордецом. И сослал. Без суда, без молитвы прощальной. Только грамота: «лишить служения и монастыря, дабы не смущал народ».

Но, Фейх... я не лишился веры. Я понял: служение – не в сани, а в сердце. И вот я в Тифлисе. Город меня принял, как странника с палкой: чаем, хлебом и ночлегом. Но без грамоты – я никто. Грузинский архиепископ встретил меня с уважением, но молчит: «Дай открепление – и я дам тебе рясу и приход».

А где мне взять то, чего мне не дают?

И вот я, как дерево, пересаженное без корня. Душа жива, но не цветёт. Я молюсь, я читаю, я пишу – но служить не мо-

гу. Я несу благословение, но мне нельзя говорить его вслух.

Помолись за меня, брат. Не о возвращении – я не вернусь. Но о том, чтобы нашёлся новый путь. Чтобы кто-то услышал не мой голос, а молчание моей преданности.

С любовью,
Архангел Даниил, недостойный иеромонах,
сын Вечности, изгнанный из Времени.

Письмо Фейха Вангера к Архангелу Даниилу

Из моего дома, где окно смотрит на старый тополь,
где дети пекут хлеб, а солнце заходит не по графику церковного календаря,
а по воле неба.
Вечер, март.

Возлюбленный брат, Архангел Даниил,

Я прочитал твоё письмо, как читают Псалтирь – медленно, вслух, чтобы сердце не упустило ни одного дыхания. Ты изгнан, но не низложен. Ты лишён сана, но не силы. Потому что, как сказал один мудрец:

«Тот, кто был сослан людьми, может быть избран Богом».

Церковная власть – как одежда царя. Внешне сияет,

но может быть наполнена страхом, рутиной и даже предательством. Ты же – как Иоанн в пустыне. Без храмов, но с голосом, от которого дрожат камни.

Ты говоришь: «Я не могу служить». Но кто определил, где начинается служение? Разве не служит тот, кто утешает одинокого, кто говорит истину, даже без кафедры? Разве не ты послал мне свою веру через бумагу и чернила? Я почувствовал благословение, как благовоние – тонкое, невидимое, но проникающее в суть.

Ты – живой Евангелие. И если Церковь боится твоей искренности, значит, она боится Христа.

Ты ищешь грамоту – но, быть может, Бог хочет, чтобы ты стал грамотой для других. Ты – письмо, написанное Духом, а не чернилами. И читают тебя не архиереи, а души, жаждущие света.

Я знаю, тебе больно. Боль – это не проклятие. Это печать. Пророки всегда были ранены. Но ни один из них не был забыт.

Я молюсь не о возвращении твоего сана – а о восстановлении того, что выше сана: ясности твоей души. И если архиепископ молчит, то небо – слышит. И даст ответ. В своё

время.

Я пришлю тебе икону – старую, с ликом Спаса в трещинах. Она висела у моей бабки над кроватью. Пусть она будет твоим напоминанием, что в трещинах тоже живёт свет.

С любовью и болью,
твой брат,
Фейх Вангер,
грешник, ищущий путь,
свидетель чужой святости.

Вот философское отступление Фейха Вангера – тихое, но жгучее размышление, которое он записал в своих «Тетрадах уединения» в те дни, когда получил письмо от Архангела Даниила. Это мысли, которые, быть может, он не решился бы сказать с кафедры, но доверил бумаге – как исповеди ветру.

Из «Тетрадей уединения».

Фейх Вангер.

О религии, чистоте и изгнанниках.

Я часто думаю: почему те, кто ближе всех к истине, чаще других оказываются изгнанными?

Бог ведь не нуждается в церемониях. Он нуждается в чистом сердце. Но Церковь – любая – боится чистого сердца,

потому что оно опасно. Оно не молчит, когда все молчат. Оно не кланяется традиции ради самой традиции. Оно требует правды, как ребёнок требует мать.

Чистый человек – это не тот, кто безгрешен. А тот, кто не терпит лжи даже ради удобства. Ради структуры. Ради «мира в общине».

Такого человека сначала любят. Потом боятся. Потом ссылают.

Я вижу это снова и снова. Моисей не вошёл в землю обетованную. Христос был предан храмовыми старейшинами. Серафим Саровский – изгнан. Григорий Палама – заклеимён. Данил, мой друг, – сослан.

Чистота духа не нужна храмам. Она нужна Небу.
Но Небо молчит дольше, чем человек может вынести.

И всё же – оно говорит. Через тишину. Через одиночество. Через изгнание.

Я замечаю, что изгнанник со временем становится чище. В нём нет лишнего. Служение обнажается до сути: не епископство, не иконостас, не облачение, а молитва, совесть и тишина.

В изгнанниках Бог живёт особенно просто. Он не нуждается в структуре, чтобы говорить. Он приходит, как свет – в щель между досками, в слезу безмолвную, в жест без ответа.

Церковь боится потерять лицо.

Бог ищет тех, кто потерял всё, кроме лица.

Я не хочу быть судьёй. Но я хочу быть свидетелем. И поэтому я говорю:

Даниил – ближе к алтарю, чем те, кто стоит у него с кадилом, но боится правды.

Он изгнан. А значит – чист.

Вот проповедь Архангела Даниила, произнесённая им однажды – и, может быть, всего лишь один-единственный раз – в маленькой каменной церкви на окраине Тифлиса. Это была Пасхальная ночь, храм был полон свечей и ожидания. И люди – простые, уставшие, с разными судьбами – не знали, что услышат слова, которые изменят их навсегда.

****Пасхальная проповедь Архангела Даниила.**

Церковь Святого Давида, Тифлис.

Ночь Воскресения.**

Братья и сёстры,
возлюбленные в страхе Божиим и надежде,
мир вам.

Сегодня – ночь, в которую тьма расступилась. Не исчезла, нет – она просто уступила место Свету, который нельзя удержать.

Но я скажу вам не о чуде Воскресения, которое знают все – скажу о том, что забыто.

Христос воскрес не в храме, а в гробу. Его не приветствовали священники, а женщины с благовониями. Его не узнали ученики сразу – ибо воскресение не в славе, а в тайне.

Чудо пришло к тем, кто плакал, не к тем, кто правил.

Так и в нашей жизни. Воскресение не всегда громкое. Иногда оно – шаг изгнанника в чужой город. Иногда – тишина, в которой ты слышишь голос Божий яснее, чем в хоре митрополичьих речей.

Я был изгнан. Но я не был забыт. Мой сан отняли – но не мою веру. Меня не пустили к престолу – но Христос не отвернулся. И я говорю вам:
не бойтесь потерять статус, место, уважение.

Бойтесь потерять сердце.

Потому что Бог не спрашивает у нас документов. Он смотрит на раны.

Не на митру – а на смирение.

Не на рукоположение – а на любовь.

И вот в эту ночь, когда весь мир замирает в свечах, я вижу: воскресение приходит туда, где не ждут славы, но ждут правды.

Христос воскрес.

И значит, мы можем воскреснуть тоже.

Даже после изгнания. Даже после слёз. Даже после молчания.

Свет побеждает. Не силой, а присутствием.

Он приходит – и всё меняется.

Как меняется сердце, которое прощает врага.

Как меняется изгнанник, который находит дом.

Как меняешься ты – если в эту ночь веришь больше, чем боишься.

Христос воскрес!

Воистину воскрес!

Вот воспоминание того, кто когда-то, будучи мальчиком, стоял в притворе той самой маленькой церкви в Тифлисе в Пасхальную ночь, когда проповедовал Архангел Даниил. Он вырос, стал священником, но тот голос, та тишина, та истина остались в нём навсегда.

Воспоминание отца Гавриила.

(Записано через 42 года после Пасхальной ночи.)

Я тогда был мальчиком – лет десяти, не больше. Меня привела бабушка. Мы стояли в самом притворе, потому что в храме было тесно, пахло ладаном и горячими свечами, и я всё время норовил задремать на её плече. Но потом вышел он – тот, кого звали Архангел Даниил.

Я запомнил его не из-за имени. И не из-за голоса – он говорил тихо, почти как читают книгу себе под нос. Но тишина, которая настала, когда он заговорил, – она была громче колоколов.

Я тогда не понимал всего, что он говорил. Но я запомнил одно:

«Бог не спрашивает у нас документов. Он смотрит на раны.»

И мне стало тепло. Как будто кто-то знал, что я боюсь, что

я не как все. Что я вру иногда, и думаю странное, и молюсь не по книжке.

И вдруг стало понятно: можно быть собой – и быть с Богом.

Когда я вырос, я долго искал, кто он был. Люди говорили, что его изгнали, что он странный, что он без сана. Но для меня он был – единственный по-настоящему настоящий человек в рясе.

В тот год я впервые захотел быть священником. Не потому что хотел проповедовать. А потому что хотел стоять рядом с такими людьми, как он.

Сейчас я сам служу в деревенском храме. Проповедую тихо. Не люблю говорить долго. Но всегда, каждую Пасху, я повторяю его слова – даже если люди думают, что это мои:

«Воскресение приходит туда, где не ждут славы, но ждут правды.»

Я не знаю, где его могила. Может, и нет её. Но если Бог услышал его так же, как я тогда услышал его в той тесной церквушке – значит, он воскрес уже при жизни.

Вот сцена – воспоминание женщины. Простая, как её платок, как её жест. Но в этой простоте – вечность.

Воспоминание Марии Бараташвили.

Женщина, что принесла воду после службы.

(Записано в её последний год жизни, Тифлис, 82 года)

Я тогда была молодой. Жила неподалёку от церкви Святого Давида. Пасха была поздняя, весна сухая, звёзды – как слёзы над крышами. Помню, как шла через двор, виносила свечной мусор, и заметила – в храме остался кто-то один. Все уже разошлись, кто спать, кто разговаривать во двор.

Он сидел один. У алтаря. Без свечей. Без рясы. В одной белой рубашке. Лицо – бледное, как бумага. Глаза – закрытые. Я подумала, что он умер. Подошла ближе – дышит. Просто сидит... как будто слушает то, что другие не слышат.

Я тогда не знала, кто он. Потом сказали – Архангел Даниил. Сосланный. Без сана. Одинокий.

Но я этого не почувствовала.

Он был как... свет, которого касаться нельзя, но тьма от него уходит.

Я принесла ему воды. Просто воды – в баночке от варенья. Протянула, не говоря ничего. Он взял, кивнул... и вдруг посмотрел на меня, как будто я не женщина, а кто-то из древней книги, из Евангелия.

– Это не вода, – сказал он. – Это путь домой.

Я не поняла. А он улыбнулся, как будто знал, что я не пойму, и не страшно.

Он выпил – и всё. Больше я его не видела.

Но с того вечера я перестала бояться одиночества. И каждый раз, когда давала кому-то воду, я вспоминала его. Не потому что он был великий. А потому что в нём всё было по-настоящему.

Как свеча без света. Как слово без украшений. Как человек, который остался с Богом, даже когда остался без всего остального.

Теперь я старая. Мне трудно ходить. Но баночку ту я хранила до сих пор.

Не как реликвию. А как напоминание, что иногда вода – это не просто вода.

А жизнь. Или прощение. Или благословение, которое ты даже не заметишь – если не принесёшь вовремя.

От философа и грешника, Фейха Вангера

Я не пишу это как философ. И не как человек, переживший три брака, четыре изгнания, шесть крушений надежд и одну – пусть единственную, но настоящую – встречу с душой, свет которой не был от мира сего.

Я пишу как свидетель.

Мы живём в век, когда память стерта чернилами страха, а истина прячется под толстыми слоями догматов, как хлеб под плесенью. Но есть люди, в чьём присутствии даже сомнение начинает молиться. Один из них – Архангел Даниил.

Он был изгнан не потому, что был неправ, а потому, что не боялся быть правдивым. Он не кричал, но его молчание порой разрывалось, как труба Иерихона. Его изгнали за правду, и он принял это изгнание, как Христос крест: не с ропотом, а с молитвой.

Я видел, как он страдает. Как теряет зрение. Как молится в одиночестве, не имея права служить. Но я также видел, как он касался сердец, не говоря ни слова. Его сила была не в слове, а в присутствии. Он умел быть – в том смысле, в каком мы забыли, что значит быть: чисто, глубоко, свободно.

Когда он говорил, даже птицы за окном переставали щебетать.

В этом сборнике – не официальные хроники. Не апологетика. Это – живые свидетельства. Люди, которых он коснулся, сам не зная. Случайные прохожие, священники, отшельники, женщины, старики, дети.

Некоторые его боялись. Некоторые – сомневались. Некоторые – любили, но молча. И именно в этом – его тайна. Он не стремился к последователям. Он просто жил так, что за ним шли.

«Свет среди тьмы» – не книга о нём. Это книга о нас. О том, что мы ещё умеем узнавать свет, когда он проходит мимо нас – тихо, босиком, неся воду и хлеб в чужие руки.

Если вы чувствуете, что вы – изгнанник, что вера ваша дрожит, как свеча на ветру, – откройте эту книгу.

Возможно, где-то среди этих страниц вы услышите, как кто-то говорит:

«Пей эту воду. Путь домой открыт.»

Это голос отца Николая, молодого священника, который когда-то отверг Архангела Даниила – по молодости, по гордости, по человеческой слепоте. Он его пишет не с любовью, а с болью, не с верой, а с покаянием.

Свидетельство отца Николая

(из письма, найденного в архиве Тифлисской духовной семинарии)

Я не знал, что видел святого.

Тогда мне казалось, что я всё знаю. Я был молод, рясу носил с гордостью, и нос мой тянулся к небу не от благогове-

ния, а от самомнения. Архангела Даниила я встретил в коридоре старого храма, где мы собирались на исповедь перед Великим постом. Он был одет просто. Сидел, как странник, с книгой в руках. Не по форме. Не по уставу. И я – прошёл мимо. Не поприветствовал. Даже не благословил.

Потом слышал, как он говорил с людьми. Не проповедовал – говорил. Без нажима, без угроз. Говорил так, что у старухи дрожали пальцы на четках, а мальчик у стены замирал, забыв про озорство.

Он говорил про любовь – но не той любовью, которую удобно нести с кафедры, а той, что оставляет тебя без ответа. И я завидовал. Да, я завидовал ему. Его покою. Его свету. Его тишине, в которой, казалось, обитало нечто большее, чем он сам.

Я назвал его еретиком. В лицо не сказал, но в сердцах – осудил. А потом, когда его сослали, я молчал. Молчал, как многие. Потому что боялся потерять место. Или, быть может, и правда не верил, что Бог может говорить через человека, у которого нет сана. Нет кафедры. Нет власти. Есть только – боль и свет.

Прошло много лет. Я уже сам почти слеп. Мне часто снится храм, в котором он сидел. Снятся его руки. Снятся его

слова. Они приходят ко мне, когда я читаю утреннее правило. Не его голос – нет. Я бы его не узнал. Это – голос совести. Которую он зажёл.

Если кто-то спросит, почему я оставил это письмо, отвечу просто:

потому что однажды, на исповеди, один человек спросил у меня:

«Отец, а вы встречали когда-нибудь святого?»

Я не ответил ему тогда. Но теперь говорю: да.

И пусть лучше вы меня забудете,
чем забудете его.

отец Николай,
бывший настоятель храма Св. Иоанна,
Тифлис, спустя двадцать лет.

Свидетельство сестры Феофании

Рассказ монахини, которая пришла в монастырь не от избытка веры, а от страха перед любовью, и однажды услышала от Архангела Даниила то, что изменило её навсегда. Из дневника, найденного в разрушенном скиту близ Кутаиси.

Я пришла в монастырь не ради Бога. Я пришла прятаться.

Моё имя Марта. Я была девчонкой с хорошим лицом и дурной судьбой. Мужчины тянули ко мне руки, как пьяные к огню – и я сгорала, снова и снова. Один обещал, второй ушёл, третий – забыл имя на следующее утро.

В какой-то момент я решила, что любовь – это ложь. Что телесное – грязь. Что Бог – единственный, кто не обманет, если не подходить к Нему слишком близко.

В монастыре я мыла полы, читала псалмы, прятала сердце под одеждой, как нищий прячет хлеб от собак. Я делала всё по уставу. Но ночью – плакала. Потому что тело помнило руки. Потому что душа хотела любви. Потому что я боялась – и Бога, и себя.

Когда он пришёл, я не поняла, кто он. Не священник. Не начальствующий. Он был похож на путника. Смотрел – не на меня, а сквозь. Но от его взгляда мне стало стыдно за то, как я жила. И за то, как не живу теперь.

Он не спросил ни имени, ни послушания. Он просто сказал:

«Ты думаешь, что спряталась от страсти. Но ты спряталась от дара. Любовь не грязь. Она – огонь. Её боятся те, кто

не умеет гореть. Но тебе не суждено быть холодной.»

Я отшатнулась. Хотела уйти. А он добавил:

«Бог не запирает женщин в кельи. Женщины сами туда бегут – от того, что их тронул Свет, а они не выдержали.»

Потом он ушёл. Как будто случайно оказался. Как будто не знал, что я каждую ночь стою на коленях и прошу не чувствовать больше. А я стояла и чувствовала. Всё: боль, благодарность, жар. И впервые – не страх, а силу.

Прошло много лет. Я осталась в монастыре. Но уже не от страха. А из любви. Не прячусь. Не сгораю. Я теперь свеча – не костёр, не угли. Просто – свет.

Я не знаю, кем он был. Может, странник. Может, бездомный. Может, ангел.

Но я знаю, что Бог поговорил со мной через него. А значит – он был нужен.

И если вы когда-нибудь будете молиться о том, чтобы перестать любить, —
вспомните меня.

И не просите этого больше.

сестра Феофания,
бывшая Марта,
в миру заблудшая,
в духе – свидетельница.

Свидетельство панамаря Андрея

(записано в беседе на лавке у церкви Святого Николая,
Тифлис)

Я не учёный человек. Буквы знаю, но больше люблю колокола. У них, знаете, свой язык. Один гудок – покаяние. Второй – радость. А если хорошо прислушаться, можно и прощение услышать, и надежду. Батюшка Даниил это знал. Он вообще многое знал. Не как книжник – как будто откуда-то изнутри мира ему всё открывалось.

Я знал его не близко, но честно: я с ним дружил. Мы вместе служили в старой церквушке за рекой, и бывало, после службы шли по улице просто так, без надобности. Он – в потёртом подряснике, я – в рясе, что мне сшила покойная матушка.

И вот однажды идём мы, и навстречу – бабушка. Вся такая дерганая, платок сдвинут, глаза бегают. Я её раньше видел: просит то у лавочников, то у прохожих. Кто копейку даст, кто отвернётся. А тут – она к нам, с тем же, мол, «подайте,

добрые люди, у меня внука в городе учиться, надо срочно послать ей деньги на учёбу, уже третий день ищу...»

Я уже рукой в карман тянусь, а Даниил вдруг останавливается и строго смотрит на неё, будто знает её давно. Потом говорит:

– Женщина, подойди.

Ты с самого утра ищешь, чтоб собрать на посылку внучке – она в Ереване, учиться на фельдшера. Тебе нужно семь рублей. Но ни один человек тебе их не даст.

Потому что ты – не просить должна. А верить.

А я – с утра эти семь рублей положил себе в карман.

Ждал тебя...

И он достаёт – ровно семь. Ни больше, ни меньше. Протягивает.

А она – стоит, как остолебевшая. Губы дрожат. Ничего не говорит. Смотрит.

Я в первый раз видел, как человек не может взять милостыню – не из гордости, а потому что не понимает, как так может быть.

Потом, правда, взяла. Поклонилась. Ушла.

А через неделю – я её вижу в храме. Стоит у стены. Слу-

шает службу. Без суеты. Со слезами.

Потом и внучка её стала приходить. Помогать, книги носить. А бабушка всем говорила:

«Он – святой. Он меня из нищеты души вытащил, а ведь он меня впервые в жизни – увидел.»

Вот и всё.

А я колокола с тех пор люблю ещё сильнее.

Потому что в них – правда.

И потому что в тот день, как он дал ей эти семь рублей, я услышал в себе звон, как будто небо откликнулось.

панамарь Андрей,

из тех, кто носил светильник —

а однажды сам стал светильником.

Свидетельство Ахмеда из Баку

(записано в беседе с торговцем текстилем у синагоги в Тифлисе)

Меня зовут Ахмед, и я родом из Баку. В моей жизни было много всего, что назвать можно чудом, но есть одно событие, которое навсегда изменило мой взгляд на мир. Я до сих пор не могу понять, как это произошло, но мне кажется, что это

было не случайно.

Я встречал Архангела Даниила в Тифлисе, когда я был в пути. В то время я ещё не знал, что он – святой. Я был просто торговцем шелком, проезжающим мимо. И вот, однажды, во дворе синагоги, после долгого дня торговли, я решил пройти мимо старой церкви. Не спрашивайте почему – просто почувствовал, что мне нужно было туда попасть.

Я стоял у двери, размышляя, вдруг меня окликнул старец. Он подошёл ко мне и, не обратив внимания на мои усталые глаза, сказал:

– Ахмед, ты ищешь, но не находишь. Ты пытаешься понять, но не можешь. Ты ищешь смысл в этом мире, но на самом деле ты сам себе мешаешь понять его.

Я задумался. Кто этот человек? Почему он заговорил со мной, не зная меня? Он выглядел обычным стариком, но я чувствовал, что это не просто так.

Он продолжил:

– Ты гордишься своей верой. Но есть одна истина, которую ты не видишь. Мы все – дети одного Бога. Тот, кто верит в него, независимо от того, как зовётся эта вера, не отделён

от других.

В тот момент я почувствовал, как внутри меня что-то ёкнуло. Я – мусульманин. В моём сердце всегда была любовь к Аллаху, но я не мог понять, как, несмотря на все различия, можно было почувствовать эту общую связь.

Он продолжил говорить:

– Идите и будьте милосердны друг к другу. Ведь суть нашей жизни – не в том, чтобы быть правыми, а в том, чтобы быть человеческими.

Эти слова были для меня как глоток воды в пустыне. Я не мог их сразу осознать, но что-то в их глубине оставалось, как шрам на сердце.

Потом, через несколько дней, я узнал, кто он был. Этот человек, его звали Даниил. Я не мог поверить, что встретил его, святого, которого почитают не только христиане, но и те, кто понимает духовный мир.

Я стал приходить к нему, слушать его проповеди. Он никогда не говорил о религиозных различиях, никогда не пытался учить меня, как жить. Он просто показывал путь через свои поступки, свою любовь к людям, свою мудрость.

Однажды, я подошёл к нему с вопросом:

– Батюшка, как мне найти мир в душе? Как мне осознать своё место в этом мире?

Он ответил, и слова эти я ношу в своём сердце до сих пор:

– Мир в душе приходит тогда, когда ты перестаёшь бороться с тем, что даёт тебе жизнь. Когда ты принимаешь её такой, какая она есть, с её бедами и радостями. И когда ты понимаешь, что и ты, и все вокруг – часть великого творения. Не бывает чужих, Ахмед. Есть только непонятые.

С тех пор я почувствовал, что не один. Я знаю, что нам, людям, не важно, какой веры мы придерживаемся, главное – быть человеческими. И я благодарен Даниилу, что открыл мне эту истину.

С того времени я возвращаюсь в Тифлис, каждый раз, когда могу, и захожу в ту самую церковь. Я не стал христианином, и это не важно. Я стал лучше понимать людей и мир. И это, возможно, самое великое чудо, которое может случиться с каждым.

Ахмед, торговец из Баку, поклонившийся любви.

Исповедь Сергея. Или как рушится дом, построенный без веры

(Записано от бывшего строительного подрядчика, ныне садовника при монастыре Святого Пантелеймона в Греции)

Меня зовут Сергей. Раньше это имя звучало в кругах, где решались дела. В кабинетах из массива дуба и карельской берёзы, где человек судил о человеке по количеству нулей на в банковском счёте. Я был строитель. Мои руки давно не касались кирпича, но я строил дома, кварталы, целые города. Деньги, власть, связи – всё это было. Было, пока не отняли.

Я не был верующим. Я тянулся к вере, как человек, стоящий у окна в разгар грозы – не выйти, не войти, только наблюдать и думать: «А вдруг и правда есть что-то выше?»

Но сердце моё было приковано к другому. Деньги... Они были моим храмом. Я шёл к ним как к иконе, приносил жертвы, тратил время, совесть, даже предавал друзей.

Когда я взял крупный строительный подряд, все восхищались масштабом. Стоимость земли, миллионные инвестиции, сотни дольщиков... А потом пришло искушение. Мы сидели с юрисконсультom, и он сказал: «Ты же знаешь, можно обойти. Можно взять средства сейчас – всё оформим.

А ты потом покроешь, да никто и не заметит».

Я не сделал этого. Не потому, что испугался. Просто дочка моя выходила замуж в Греции, и я уехал. Право подписи оставил своим – директорам и бухгалтеру. Я не думала, что задержусь надолго.

А когда вернулся – не было ничего: ни денег, ни людей, ни стройки. Только иски, протесты, митинги дольщиков, прессы, суды. Они украли всё. А на бумаге – всё моё. Я отвечал, как хозяин. Дом, строительная техника, счета – всё ушло. Остался только я. Гладко выбритый, в пустом имении.

Мне пришлось уехать к дочери. В Грецию. Старые связи отреклись, знакомые не хотели со мной иметь никаких дел. Я оказался никем.

И вот тогда – когда я был пуст, как незаложенный фундамент – я вспомнил Архангела Даниила. Я слышал о нём от одного старого подрядчика, бывшего понамаря. Тот когда-то помогал ему строить приют в Тифлисе. Говорил, что этот монах знал, о чём ты думаешь, и, не обвиняя, ставил тебя перед твоей совестью. И я подумал, вот бы он тогда был рядом. Может, остановил бы меня.

Я пришёл в монастырь. Не за спасением. Просто – спро-

сить, есть ли способ вернуть то, чего не купишь. Не деньги. Душу. Себя.

И один монах сказал мне:

– Сергей, дом без основания – рухнет. Ты строил высоко, но не вниз. Без корня нет ствола. Бог разрушает башни, чтобы мы увидели землю. Ибо на ней – крест. А крест – основание настоящего дома.

С тех пор я сажаю деревья. Помогаю при монастыре. Иногда приезжают те, кто был моими заказчиками. Кто-то узнавал меня, кто-то нет. Я не скрываюсь, но и не объясняю. Пусть будет так, как есть.

Моя дочка счастлива. И я счастлив. А деньги? Я теперь знаю цену всему.

И, знаете... Если бы Архангел Даниил тогда был жив – он бы только кивнул. И сказал:

«Ну вот теперь – начнём строить по-настоящему.»

**Письмо Фейха Вангера монаху Архангелу
Даниилу**

(Из его поздней переписки, датированной осенью, незадолго до исчезновения Даниила из Тифлиса)

Дорогой Даниил,

после всей этой череды голосов, которые мы слышали — от вдовы с кувшином до застройщика с развалинами в душе — я вновь чувствую потребность говорить с тобой на языке, на котором молчали наши предки.

Я читаю Евангелие от Есеев. Ты знаешь, как оно пахнет? Пахнет травами, пещерами, молчанием пустынников. Там не Иерусалим — там Хаос до Иерусалима. Христос у Есеев — не просто Учитель, а Лик Света, который сходит в мир, чтобы предупредить, не спасти. Он говорит о конце, не как о страхе, а как о рождении.

Почему же оно не вошло в канон? Может, потому что канон — это корабль, а Есеевский текст — это парус, который может унести не туда? Он слишком свободен, слишком... откровенен. В нём нет церковного порядка. Есть только откровение, голое, необработанное, как скала до храма.

Что думаешь ты?

**Ответ монаха Архангела Даниила философу
Фейху Вангеру**

(Из письма, написанного на краю осени. Бумага пожелтела, как лист, оторванный ветром.)

Дорогой Фейх,

ты говоришь, что канон – это корабль, а есеейский текст – парус. Я бы добавил: канон – это ковчег, и он несёт не только живых, но и мёртвых. Там есть место для надежды, страха, утешения, даже для власти. А есееи не строили ковчега. Они строили пещеру – укрытие от мира, но не для спасения, а для прозрения.

Евангелие от Есеев, как и прочие апокрифы, не вошло в канон, потому что Церковь выбрала безопасность. Это не упрёк, брат мой. Это – понимание. Ломкие души нуждаются в камне, на который можно опереться. А есееи предлагают не камень, а вихрь.

Их Христос говорит: «Я – Сын Света, Я пришёл не утешать, но разжигать внутренний огонь». Это не для всякого.

Мне кажется, эти книги были оставлены вне канона не потому, что они ложны – но потому, что они слишком правдивы. Они говорят человеку: ты сам – пророк, ты сам – жертвенник. А Церковь, увы, предпочла сказать: ты – чадо, слушай и повинуйся.

Помнишь, как я говорил тебе в Тессалониках: «Бог не боится правды, но люди боятся её на каждом шагу»?

Вижу ли я конец времён? Да, вижу. Но он не страшен мне. Он – как вечер, за которым будет утро, если ты не запер глаза.

Оставайся в свете,

Архангел Даниил

Воспоминание отца Павла

(из предисловия к позднему изданию «Писем Фейха Вангера и Архангела Даниила»)

Я был молодым священником, когда впервые попал в Тифлис. Тогда всё казалось старым – камни, лица, воздух, даже свечи в церкви будто догорали не первый век. Меня назначили при храме, где когда-то служил и жил изгнанный монах, о котором мне рассказывали с почтением и страхом. Имя его – Архангел Даниил.

Под алтарной нишей, в деревянном ящике, я нашёл кожаную папку, перевязанную тонкой верёвкой. Письма. На жёлтой бумаге – твёрдый, будто резной, почерк философа и мягкий, текучий – монаха.

Я читал их, пока шло пение за стеной. И чувствовал, как будто два невидимых голоса говорят во мне: один – от ума, другой – от духа. Они не спорили, они соединялись, как ре-

ки.

После одного письма – о Евангелии от Есеев – я долго не мог уснуть. Я впервые задумался: а что ещё было сказано, но не вошло? Почему наша вера ограничена только тем, что было удобно? Не слишком ли удобно?

В одном из писем, которое особенно впечатлило меня, они обсуждали странный, почти забытый текст, который называли Откровением Древа Жизни. Я нашёл о нём упоминание лишь в старом греческом манускрипте в метеорском монастыре.

Там говорилось, что в конце времён человек не будет судим, но будет взвешен – его радость, его боль, его любовь. И дерево, посаженное им хотя бы в сердце другого, оживёт у престола.

Я почувствовал, как это противоречит привычному догмату. Но разве Истина не живёт именно в противоречиях?

Теперь, когда я служу уже третий десяток лет, я всё чаще читаю не только канон, но и эти письма. Иногда мне кажется, что именно они – моё истинное благословение.

Пусть и вы услышите эти голоса.

Письмо Фейха Вангера к Архангелу Даниилу

(из собрания «Тихие письма»)

Дорогой брат Даниил,

Ты говорил в своём последнем послании, что Господь судит нас по делам. Но, знаешь ли, я наткнулся на один текст, который меня смутил и вдохновил одновременно. Это древнее, забытое откровение, которое я нашёл в сноске к греческому комментарию IV века. Его называли Откровением Древа Жизни.

В нём не было ни суда, ни гнева, ни огня. Там говорилось, что в последнюю ночь человек не будет судим словами, как перед трибуналом, и не будет взвешен на весах с грехами.

Там сказано:

«Когда всё будет кончено, и время свернётся, как свиток, тогда у Престола восстанут деревья. Деревья, посаженные каждым человеком – словом, жестом, любовью или прощением. И только они скажут за него. А если он не посадил ни одного – его не обвинят. Просто не будет его сада.»

Как это просто, Даниил. И как это страшно.

Ведь сколько мы говорим о вере, но забываем, что она должна пускать корни в ком-то другом. Сколько раз я ощущал себя правым – а был пуст.

Мне всё больше кажется, что Истина не в том, чтобы знать, а в том, чтобы укореняться в жизни других. Слово без любви – семя без земли.

Может быть, поэтому ты так важен для меня. В тебе всегда было это – тихое, плодоносящее состояние духа.

Если у Престола восстанет хотя бы одно дерево, то я надеюсь, что оно будет из тех, что я посадил, услышав тебя.

Обнимаю тебя духом.

Твой в вере и тишине —

Фейх

Письмо Фейха Вангера к Архангелу Даниилу

(Из цикла «О вечном»)

Логин 1. из Евангелия от Фомы

«Иисус сказал: Пусть тот, кто ищет, не перестаёт искать, пока не найдёт. И когда он найдёт, он будет потрясён. И, будучи потрясённым, он будет удивлён, и он будет царствовать над всем.»

Даниил, брат мой,

Этот текст... он не даёт мне покоя. Он звучит как предупреждение и как откровение одновременно.

Что значит – будет потрясён? Что в этой встрече с Истиной настолько разрушающего, что прежде чем прийти к царствованию, человек должен быть поколеблен в основании самого себя?

Мне кажется, ищущий не просто находит ответ – он теряет старое Я. Он идёт вглубь, туда, где нет готовых схем, и вдруг обнаруживает: всё, что он знал о Боге, о себе, о любви – было только преддверием.

Истинное потрясение не в чуде, а в несовпадении между тем, как мы представляли Свет, и тем, каким он оказался.

Я вспоминаю ту ночь в Тессалониках, когда я увидел мальчика, который разговаривал сам с собой, у стены храма. Я подошёл – а он вдруг говорит: «Ты не тот, кто ты есть».

Я спросил: «А кто же я?»

Он ответил: «Ты тот, кто ещё ищет. Но скоро ты узнаешь, что ищешь не то».

И с тех пор я ищу не ответ, а – способ быть потрясённым

без разрушения.

Может, царствование – это вовсе не власть, а способность принять новое без страха?

Напиши мне, Даниил. Как ты, человек Света, переносишь этот огонь, когда он входит в тебя? Не опалает ли он тебе крылья?

В тишине,
Твой – Фейх

Письмо Фейха Вангера к Архангелу Даниилу

(из цикла «О вечном»)

(Логин 2. Евангелие от Фомы)

«Если те, кто ведут вас, говорят: «Смотрите, Царствие в небе» – тогда птицы опередят вас.

Если они скажут: «Оно в море» – тогда рыбы опередят вас.
Но Царствие – внутри вас, и вне вас.»

Брат мой Даниил,

Эти слова Иисуса звучат как вызов каждому пророку, каждому вождю, каждому священнику, что указывает пальцем туда, куда сам не дошёл.

Они говорят: ищите небесное в Небе, в догмах, в обрядах, в старых книгах. Но Истина ускользает – она не вверху

и не внизу, а внутри и вне.

В этом – страшная свобода.

Если Царствие внутри нас – мы больше не можем винить никого за своё безверие, кроме самих себя.

Если оно вне нас – то оно открывается в каждом поступке, взгляде, пылинке на солнце. И это не религия – это жизнь, как молитва.

Я думаю, Даниил, что Иисус смеялся, когда говорил это. Он знал, как охотно мы ищем Бога в недостижимом. И как страшно нам найти Его в себе.

В себе – с нашими страхами, похотями, злостью. В себе – несовершенном.

Но именно туда Он указывает.

Царствие не строится. Оно обнаруживается.

Ты открываешь дверь, думая, что войдёшь в храм – а вступишь в себя.

Ты выходишь на улицу, думая, что просто идёшь по делам – а оказываешься в Святилище.

Вот в чём тайна.

Никакой иерархии, никаких ступеней посвящения. Только озарение – что всё уже здесь.

Молюсь о тебе, мой друг.

Вижу тебя сидящим в каменной лавке у тифлисского храма. Вижу, как ты греешь руки, и думаю: ты знаешь это. Ты жил этим раньше, чем я нашёл слова.

Пиши.

Твой Фейх

Сцена из жизни Фейха Вангера и Архангела Даниила – та самая, тихая и глубокая, когда два человека, не нуждаясь в громких словах, переживают тайну бытия.

Сцена у источника.

Тифлис. Окраина города. Ранняя весна. Ещё прохладно, но земля уже пахнет влагой, а воздух напоён ожиданием пробуждения.

Фейх Вангер и монах Архангел Даниил спускаются к старому источнику у подножия холма, где раньше крестили детей. Никого вокруг. Только шелест воды и щебет птиц.

Фейх:

– Знаешь, я всё чаще думаю, что душа – это не сосуд, который надо наполнять, а рана, которую надо беречь, чтобы не заросла равнодушием.

Даниил:

(опускает руку в воду, смотрит, как по ладони струится поток)

– Или рана, из которой должно вытечь всё ненастоящее.

Может быть, Бог берёт нас за горло не для того, чтобы душить, а чтобы мы, наконец, перестали кричать. И стали слушать.

Они сидят рядом и молчат, глядя на воду. Ветер треплет край рысы Даниила.

Фейх:

– А если всё-таки Бог молчит?

Даниил:

(тихо)

– Тогда это наша очередь говорить Ему правду.

Без гимнов. Без доктрин. Просто сказать: «Мне страшно».

Вот в этот момент Он, может быть, и начнёт слушать.

Фейх смотрит на небо. Медленно, как будто впервые за много лет, улыбается.

Фейх:

– Я, наверное, всё ещё боюсь быть ребёнком.

Даниил:

– А я давно понял, что только дети могут быть пророками. Потому что они ещё не научились лгать самим себе.

Ветер усиливается. Над деревьями кружится сорванный лепесток миндаля. Даниил встаёт и крестит воду у источника. Потом, не оборачиваясь, говорит:

– Запомни, брат: самые чистые молитвы – это те, что сказаны шёпотом, в одиночестве, рядом с теми, кто тебя понимает.

Такая вот у нас сегодня служба.

Логин 3. из Евангелия от Фомы

«Если те, которые ведут вас, скажут вам: «Смотрите, Царствие – в небе», тогда птицы опередят вас.

Если скажут: «В море», тогда рыбы опередят вас.

Но Царствие – внутри вас и вне вас.

Когда вы познаете себя, тогда вас познают, и вы поймете, что вы – дети живого Отца.

Если же вы не познаете себя, тогда вы – в бедности, и вы – бедность».

Философское размышление Фейха Вангера.

(из письма к Архангелу Даниилу, датированного весной

в Тифлисе)

Ты спрашиваешь меня, брат, где искать Царствие.

И я отвечаю тебе – в этой фразе, от которой отпадают стены всех храмов и рушатся кафедральные проповеди.

Ибо мы привыкли к тому, что святость – где-то вне нас. На высоте. В небе, в иконе, в догмате, в одобрении других.

А здесь вдруг голос Учителя, как молот, бьёт по этой иллюзии:

«Если скажут – в небе, вас опередят птицы».

Да, потому что птицы не ищут. Они просто есть.

А мы всё ищем – не понимаем, что ключ всегда был в нас.

Мне кажется, что самые несчастные – это те, кто всю жизнь верили, что святость где-то далеко. В будущем, в далёком храме, в иной стране.

И при этом проходили мимо собственного сердца, где была маленькая свеча – та самая, что Господь вложил при рождении.

Ты знаешь, я вспоминаю, как в юности думал: вот стану мудрецом – пойму.

Вот женюсь, рожу детей – пойму.

Вот умру – пойму.

Но нет.

Ничего не даётся временем. Всё – только откровением.

И оно рождается не во внешнем шуме, а во внутренней тишине.

И эта тишина, брат, и есть Царствие.

Она – внутри нас.

И если мы её найдём – мы перестанем быть бедными.

Потому что бедность – это забвение себя.»

Логин 4. из Евангелия от Фомы

Иисус сказал:

Старый человек в его дни не замедлит спросить малого ребенка семи дней месте жизни, и он будет жить. Ибо много первых будут последними, и они станут одним.

**Комментарий (Фейх Вангер – в письме
к Архангелу Даниилу)**

«Ты писал мне, Даниил, о своём горьком унижении – как тебя, иеромонаха, старца в вере, отодвинули, обесценили, обвинили.

Я читал твоё письмо, и в груди жгло чувство – не только сострадания, но узнавания.

Потому что сам пережил нечто похожее.

Но вот что я тебе скажу:

«Смотри, как говорит Учитель:

«Многие первые станут последними, и последние – пер-

ВЫМИ.»»»

Это не утешение проигравшим.

Это приговор самодовольным.

Потому что, кто вообразил себя «первым» – тот уже вне благодати.

А кто принял, что он – последний, – тот уже на пути, где все станут одним.

Ты – изгнанный, лишённый сана.

Но ты ближе к истине, чем те, кто сидят на троне и говорят о Боге, не зная Его.

Ты – младенец семи дней, в тебе ещё живо то, что убито рутиной в стариках религии.

И если бы тебе дали слово – ты оживил бы их сердца.

И ты знаешь, мне кажется, здесь Христос не просто переворачивает иерархию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.